

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

ОБРАЗЫ ИСТОРИИ «ТЮРКСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ» В ПОСТСОВЕТСКОМ ТАТАРСТАНЕ: ЭЛИТАРНЫЕ ВЕРСИИ И МАССОВЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ

*Николай Иванович Карбаинов**

Социологический институт ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия

Цитирование: Карбаинов Н.И. (2018) Образы истории «тюркской цивилизации» в постсоветском Татарстане: элитарные версии и массовые представления. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 21(2): 45-74. <https://doi.org/10.31119/jssa.2018.21.2.2>

Аннотация. В статье рассмотрена одна из ключевых идеологем татарской исторической идеологии — «тюркская цивилизация», которая возникла из сочетания идей пантюркизма и цивилизационного подхода. При конструировании истории тюркской цивилизации идеологема тюркизма также соединяется с другими важными идеологемами татарского национализма: пантатаризмом, исламоцентризмом и т.д. Элитарные версии истории тюркской цивилизации транслируются в массовое сознание жителей Татарстана с помощью СМИ, научно-популярной и учебной литературы. Но, несмотря на эти усилия, образы истории тюркского мира оказываются не востребованы и малозначимы для жителей Татарстана. Первая причина невостребованности истории тюркской цивилизации на уровне массовых представлений — бесполезность образов «далекой истории» в повседневной жизни. Для жителей Татарстана более значима и эмоционально окрашена близкая история XX в. (например, события Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.), чем далекая средневековая история. В свою очередь, в рамках средневековой истории жителям Татарстана более интересна история татарских государств (Волжской Булгарии, Золотой Орды и Казанского ханства), чем сюжеты, связанные с историей тюркских кочевых империй (государства Хунну и Тюркского каганата). Вторая причина состоит в том, что, несмотря на доминирование на элитарном уровне, татарская историческая идеология не выдерживает конкуренции на уровне массовых представлений с исторической идеологией, создаваемой в первую очередь в Москве и Санкт-Петербурге. В московской версии истории практически нет места для тюркской цивилизации.

Ключевые слова: цивилизационный анализ, цивилизационная идентичность, панидеология, пантюркизм, тюркизм, тюркская цивилизация, тюркский мир, Татарстан.

* E-mail: nkarbainov@gmail.com

Введение

В результате распада СССР на постсоветском пространстве наблюдается бурное развитие национальных и региональных версий исторического прошлого как в ныне независимых государствах СНГ, так и в регионах (в первую очередь республиках) Российской Федерации (Аймермахер, Бордюгов 1999; Бомсдорф, Бордюгов 2009; Шнирельман 2003; Миллер, Липман 2012). Не является исключением в этом ряду и Республика Татарстан. В последние десятилетия элиты Татарстана были активно вовлечены в создание национальной истории татарского народа и Татарстана (Rorlich 1999; Исхаков 1999; Davis et al. 2000; Shnirelman 1996; Шнирельман 2002; 2016; Zverev 2002; Усманова 2003; Овчинников 2010; 2015).

Историческое прошлое — важный ресурс нациестроительства и формирования национальной идентичности. (Этно)национальные версии истории во многом служат идеологическими инструментами, с помощью которых поддерживается легитимность политических элит (Андерсон 2001; Ассман 2004; Ферро 1992; Репина 2003; Kaplonski 2004). Важно отметить, что интеллектуальные элиты при поддержке политических элит пытаются вписать (этно)национальные версии исторического прошлого в рамки истории более масштабных социокультурных общностей, таких как «цивилизации» или «миры» (Прозорова 2014). Особенно это актуально для постсоветских стран, в которых после краха коммунистической идеологии в СССР во второй половине 1980-х годов произошел отказ от схем марксистского формационного подхода, в результате чего среди историков и обществоведов огромную популярность приобрел цивилизационный подход (Шнирельман 2002).

В то время как для научных дискуссий характерна конкуренция двух теоретических подходов к пониманию цивилизации: сингулярно-универсалистского и плюрално-партикулярного, — на уровне политического дискурса типично сочетание этих двух перспектив (Прозорова 2014). Политические элиты пытаются инкорпорировать в национальные версии истории одновременно несколько цивилизационных дискурсов. Это может быть дискурс о «мировой общечеловеческой цивилизации», в которой их (этно)национальная группа занимает достойное место, является «культурной» и «цивилизованной», «внесшей огромный вклад в развитие мировой цивилизации». Также это могут быть дискурсы о принадлежности сразу к нескольким «локальным цивилизациям» или «мирам».

В статье мы сосредоточим внимание на одном из важнейших компонентов татарского национализма, в том числе национальной истории, создаваемой в постсоветском Татарстане, — «тюркской цивилизации»,

или «тюркском мире». Во-первых, мы проанализируем элитарные образы истории тюркской цивилизации и механизмы их трансляции в массовое сознание. Во-вторых, покажем, как эти элитарные версии повлияли или не повлияли на массовые исторические представления жителей Татарстана.

В качестве теоретической рамки мы используем подходы цивилизационного анализа, который представляет собой теоретическую альтернативу как сингулярно-универсалистскому, так и плюрально-партикулярному подходам к пониманию цивилизации (Браславский 2013; Прозорова 2014). Возможности применения теоретико-методологических установок цивилизационного анализа для изучения постсоветских трансформаций и модернизации в России отмечались в ряде работ российских социологов (Козловский 2009; Браславский 2009; 2012; 2013; Масловский 2012; Прозорова 2012; 2013; 2014). Особенно важными для нашего исследования являются дискурсивный и сетевой подходы, развиваемые в рамках цивилизационного анализа. Сторонники первого подхода предлагают отказаться от эссенциалистского понимания цивилизаций и рассматривать их как дискурсивные конструкции, создаваемые в первую очередь политическими элитами (Hall, Jackson 2007; Прозорова 2014). Как отмечал И. Валлерстайн, цивилизации не являются реальными социальными системами с четко очерченными границами, а представляют собой «исторические ментальные конструкции, которые создаются, уничтожаются и воссоздаются социальными группами, стремящимися утвердить свою особенность в диадических отношениях с другими социальными группами» (Wallerstein 1978: 4; цит. по: Браславский 2009: 74).

Здесь стоит отметить, что цивилизационные дискурсы при этом не являются в полной мере ментальными конструкциями элит, а могут вполне укорениться на уровне повседневных массовых представлений и практик. По этой причине мы также будем также использовать сетевой подход, развиваемый в цивилизационном анализе (Браславский 2009). Так, Р. Коллинз понимает цивилизации не как ограниченные структуры, а как взаимопроникающие сети со своими центрами и периферией (Collins 2001).

Таким образом, с помощью дискурсивного подхода мы попытаемся показать дискурсивные образы истории тюркской цивилизации и тюркского мира, создаваемые элитами Татарстана и транслируемые в массовое сознание жителей республики. С помощью сетевого анализа постараемся выявить сети и практики производства и механизмы трансляции цивилизационных дискурсов (в том числе исторических образов тюркского мира).

Мы будем опираться на эмпирические материалы коллективного проекта «Войны памяти» и «конвенции памяти» в постсоветском Татарстане: элитарные версии исторического прошлого и массовые представления» (Центр культурных исследований постсоциализма Казанского федерального университета при поддержке программы развития партнерских центров Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013–2014). Элитарные версии выявим с помощью анализа учебников по истории татарского народа и Татарстана, научно-популярной литературы, СМИ. Для анализа массовых исторических представлений используем нарративы из 170 интервью и данные анкетного опроса жителей Казани (N=1000 респондентов).

Элитарные версии истории тюркской цивилизации

Создание национальной истории — один из важнейших инструментов нациестроительства (наряду с языковой и религиозной политикой) в постсоветском Татарстане (Shnirelman 1996; Сагитова 1998; Rorlich 1999; Davies et al. 2000; Низамова 2001; Zverev 2002; Graney 2009; Faller 2011; Derrick 2013). Главным производителем национальной идеологии, в том числе исторических дискурсов, в Татарстане выступила татарская национальная интеллигенция при поддержке политических элит (Сагитова 1998; Davies et al. 2000; Низамова 2001; Gorenburg 2003; Понарин, Жирков 2013).

Важно отметить, что для поля татарской национальной идеологии характерна конкуренция различных течений и идей, в первую очередь между умеренными и радикальными националистами (Мухаметдинов 2006). В рамках проекта татарской национальной истории ключевой дискуссией стала дискуссия болгаристов и татаристов (Shnirelman 1996; Шнирельман 1998; 2002; Schamiloglu 2001; Цвиклински 2003; Уяма 2003). В свою очередь, в Татарстане существуют другие элитарные идеологии, которые пытаются бросить вызов доминирующей татарской идеологии. По результатам проекта «Войны памяти» и «конвенции памяти» в постсоветском Татарстане» мы выделяем следующие оппозиционные идеологии: русскую, крымскую, болгарскую и тюрко-гептирскую. Победителями в этой идеологической борьбе при поддержке республиканских политических элит в начале 1990-х гг. стали и остаются по настоящее время умеренные татарские националисты. Именно они формируют основные принципы официально поддерживаемой властями республики национальной идеологии Татарстана, в том числе национальной истории.

Основными производителями и трансляторами национальной истории являются Институт истории Академии наук Татарстана, Казанский

Федеральный университет и другие научные и учебные заведения, в том числе татарские национальные гимназии (Alvarez Veinguer 2007; Alvarez Veinguer, Davis 2007), Министерство образования и науки РТ, издательства, музеи и т.д. (Усманова 2003; Гилязов 2000; Graney 2009). Ключевые каналы трансляции идеологических дискурсов (включая исторические дискурсы) в массовое сознание населения республики — СМИ (газеты, телевидение) (Сагитова 1998; 2003; Davies et al. 2000; Низамова 2001), учебные курсы по истории в средней и высшей школе (Гибатдинов 2003; Гилязов 2000; Мухарьямова, Андреева 2013; Шнирельман 2016)*, публичные места, музейные экспозиции и архитектура (Graney 2009; Faller 2011; Kinossian 2012).

Можно выделить несколько ключевых идеологов, на которые опираются сторонники доминирующей татарской идеологии. Во-первых, балансирование между татарским этнонационализмом и гражданским национализмом («татарстанизмом») (Низамова 2001; Derrick 2009; Graney 2009). Как отмечает Л.Р. Низамова, «новая татарстанская идеология строится на гибкой комбинации и «сплавливании» ценностей как этнического, так и гражданского национализма» (Низамова 2001: 175). В концепции национальной истории идея балансирования между двумя национализмами воплотилась в сочетании территориального и этнического подхода при написании истории Татарстана (Хаким 1999).

Во-вторых, пантатаризм. В рамках этой идеологии татарский мир включает в себя не только Татарстан, но и другие территории, на которых проживают как казанские татары, так и другие этнические группы, история которых связана с историей Золотой Орды, например сибирские татары, крымские татары и т.д. При этом Республика Татарстан осмысливается как центр татарского мира. В национальной политике Татарстана эта идеология проявляется, например, в непризнании прав на этническое самоопределение такой татароязычной группы, как православные крышены (Соколовский 2002; 2004; Исхаков 2002; Галиндабаева 2014). Эта идеология также воплотилась в этническом подходе при создании национальной татарской истории, в рамках которой описывается история не только казанских татар, но и некоторых других тюркоязычных этнических групп (в том числе крымских татар еще до присоединения Крыма к России), что мы можем увидеть, например, в семитомной «Истории татар».

* Так, В. Шнирельман подробно рассматривает в своей статье вопрос о состоянии преподавания истории Татарстана и татарского народа в школе и его динамики (Шнирельман 2016).

В-третьих, идея потерянной в 1552 г. и вновь обретенной в 1990-е гг. государственности (Сагитова 1998; Zverev 2002; Хаким 2007). По мнению Р. Хакимова, история государственности является «стержневая проблемой» татарской истории (Хаким 2007: 236). В-четвертых, исламоцентризм. Роль ислама в истории Татарстана оценивается только позитивно, в отличие от негативных оценок православия, например в форме упоминаний о «насильственной христианизации». В-пятых, евразийство (Laguette 2008: 162–167). В-шестых, идея значительного вклада татарского народа в российскую и мировую культуру. В-седьмых, идея о том, что татары являются частью тюркского мира. На последней идеологеме остановимся более подробно.

Идеологема тюркского мира сформировались в рамках идеологии пантюркизма, или тюркизма*, на рубеже XIX–XX вв. (Landau 1995; Мухамметдинов 1996; Yémelianova 1997; Червонная 2003; Сибгатуллина 2010; Иванова 2012). Р.Ф. Мухамметдинов дал следующее определение тюркизму: «Система идей, проистекающих из признания общности этнического происхождения, родства языков и близости культур тюркских народов и пропагандирующих единство, братство и сотрудничество этих народов, а также направленных на защиту их свободы и независимости и способствующих их продвижению по пути прогресса и процветания» (Мухамметдинов 1996: 10).

В рамках идеологии пантюркизма, как и в любой другой панидеологии (например, панславизм, пангерманизм и т.д.), можно выделить два основных течения: культурное и политическое (или сочетание обоих) (Landau 1988: 2). Сторонники политического пантюркизма (например, Юсуф Акчура) исходили из ирредентистских идей создания общетюркского государства, центром которого стала бы в первую очередь Османская империя или, после ее падения, Турция. Сторонники культурного пантюркизма (например, Исмаил Гаспринский) не разделяли идей ирредентизма, по крайней мере открыто, и акцентировали внимание на культурном сотрудничестве тюркоязычных народов (Landau 1995). Важный вклад в развитие идеологии пантюркизма, особенно на первоначальных этапах формирования, внесли уроженцы Российской империи: Исмаил Гаспринский, Юсуф Акчура, А. Хусейнзаде и др. (Мухамметдинов 1996; Yémelianova 1997; Сибгатуллина 2010). Пантюркизм отчасти возник как реакция на идеологию панславизма и политику русификации в Россий-

* Ряд исследователей считают понятие «пантюркизм» политически ангажированным и заменяют его термином «тюркизм». Мы будем использовать их как синонимы без какой-либо оценочной нагрузки.

ской империи и поэтому неслучайно то, что многие идеи были заимствованы сторонниками российского пантюркизма из панславизма (Landau 1995: 8).

Пантюркизм в Российской империи, особенно в СССР, рассматривался как враждебная идеология, что в результате привело к тому, что в 1920–1930-е гг. ключевые фигуры российского пантюркизма либо были репрессированы, либо оказались в эмиграции. Возрождение идей пантюркизма в тюркоязычных республиках, в том числе в Татарстане, произошло в годы перестройки (Мухамметдинов 1996). Так, в 1990–1991 гг. была создана Ассамблея тюркских народов (АТН), ключевую роль в которой играли представители татарской интеллигенции: Р. Мухамметдинов, Р. Амирханов, Р. Хакимов и Р. Садыков. Именно они стали разработчиками и авторами проекта первой Программы АТН (Там же: 207). Впоследствии один из лидеров АТН Рафаэль Хакимов стал директором Института истории им. Ш. Марджани Академии наук Татарстана, советником первого президента Татарстана М. Шаймиева и ведущим идеологом Казанского Кремля.

В результате в 1990-е годы тюркизм стал одной из важных идеологием господствующей идеологии Татарстана. Также идеи тюркизма повлияли на татарскую историческую науку и историческое образование. Историк и этнограф Дамир Исаков предложил три основных принципа татарской исторической науки: «историю татар необходимо разрабатывать как национальную историю, отражающую национальные интересы; концептуальный подход к истории татарского народа должен отличаться целостностью, т.е. охватом всех его этнических групп; национальную историю татар нужно рассматривать прежде всего в общем контексте общетюркской истории» (Исаков 1997: 212). В начале 1990-х гг. мода на тюркизм совпала с модой на цивилизационный подход, поэтому все чаще стали использовать словосочетание «тюркская цивилизация»: «Тюркский мир как особая историческая реальность сформировался в эпоху Средних веков. В эту эпоху были заложены основы единства материальной и духовной культуры, система моральных ценностей и менталитета, сформировалась тюркская цивилизация. Тюркский мир выжил как этнокультурная общность и с конца XX века проявил способность к адаптации к новым требованиям общественной жизни <...> Наступило время освободиться от ига административно-командной системы и советским тюркам. Вы — наследники великой тюркской цивилизации, стомиллионная общность, имеющая собственное лицо и собственное имя — тюрк» (Мухамметдинов 1996: 210).

Проблема для татарских интеллектуалов состояла в том, что классик цивилизационного подхода Арнольд Тойнби нигде в своих трудах не упо-

минал тюркскую цивилизацию (Хаким 2005: 44). Более того, тюрки, по мнению Тойнби, относились к исторически статичным обществам, и, следовательно, у них, по сути, отсутствовала цивилизация (Исхаков и др. 2009: 11–12). Но эту проблему татарские историки решили достаточно легко, отчасти опираясь на работы С. Хантингтона, и включили тюркскую субцивилизацию в состав исламской (супер)цивилизации (Мухамметдинов 1996: 231; Исхаков и др. 2009: 11–12).

Рафаэль Хакимов идет еще дальше, срачивая пантатаризм с тюркизмом, вводит понятие «тюрко-татарская цивилизация». По его мнению, «когда мы говорим о древней и средневековой истории, термин “тюрко-татарская цивилизация” более предпочтителен, нежели “татарская цивилизация”. Он позволяет преодолеть узкоэтническую трактовку истории, делает ее более объективной и объясняет существующую тесную связь тюркских народов» (Хакимов 2014: 174). Также Р. Хакимов рассматривает Казань как столицу этой цивилизации: «Исторический спор Москвы и Казани как столиц двух цивилизаций не завершен. Казань выстояла в качестве северного форпоста Ислама и тюркского мира» (Хаким 2007: 237), — а татар — как народ, вокруг которого должны объединиться тюркские народы (Там же: 185).

Важными чертами носителей тюркско-татарской цивилизации, по мнению Р. Хакимова, являются, во-первых, почтение к государственности: «Татары — государственники» (Хаким 2005: 17); «Тюрки всегда были и остаются государственниками» (Там же: 152). Во-вторых, приверженность к высшим нравственным ценностям: «Высшие нравственные ценности также исконно тюркские <...> иначе говоря, тюрки как развитый народ сложились в древнейший период» (Там же: 71). Авторы учебного пособия для 5 класса «История и культура татарского народа» в свою очередь отмечают, что «в основе мировоззрения древних тюрков лежали любовь к родной земле и уважение к предкам. Традиции, заложенные тенгрианством, являются неотъемлемой частью истории и культуры нашего народа» (Хузин и др. 2011: 76). Также, по мнению этих авторов, «тюрки умели приспосабливаться к самым разным условиям жизни. С изменением среды обитания менялись и образ жизни, и даже виды жилища. Незменным оставалась любовь к труду и верность обычаям и традициям предков» (Там же: 113).

Несмотря на обращение татарских интеллектуалов к цивилизационному подходу, одновременно сохранялись многие идеи формационного подхода. По мнению У. ван Мейрса, учебные пособия по истории Татарстана методологически мало отличаются от историографического канона советских времен. В основе всех рассмотренных учебников лежит модер-

низационная парадигма и нерелексируемая вера в линейный прогресс (van Meurs 2003). (Это неудивительно, так как практически все крупные татарские интеллектуалы — выпускники советских вузов.) Скрытая вера в линейный прогресс и нерелексируемый евроцентризм заставляет татарских историков, в том числе авторов учебников, приводить множество доказательств высокого уровня экономического, политического и культурного развития тюрко-татарских государств. «Существует предвзятое мнение, что кочевник — это дикарь, нецивилизованный варвар. Обычное мышление построено дихотомно: небо — земля, ангел — сатана, цивилизация — варварство. Отсюда восприятие кочевой культуры как противоположное цивилизации. На самом деле кочевая культура не варварство, а особая форма цивилизации» (Хахим 2005: 97). Как пишет Р. Хахимов, «о высоком уровне древнетюркской цивилизации говорит и тот факт, что тюрки во второй половине VI в. изобрели собственный алфавит, получивший название рунического» (Там же: 71). Как отмечают авторы учебника по истории татарского народа для 10 класса, «важнейшими достижениями тюрков, сделавшими их народом, не только сыгравшим выдающуюся роль в средневековой истории, но и основавшим тюркскую цивилизацию, чьи традиции продолжали все последующие кочевые государства, были государственное устройство (традиции имперской надплеменной державы со своей иерархически организованной социальной системой, военно-дружинной феодальной культурой и собственной государственной историографией), синтез кочевого и оседлого укладов жизни и письменность, которая произвела настоящую революцию в кочевой культуре» (Исхаков и др. 2009: 43). Неслучайно отдельным периодам истории тюрко-татарской цивилизации в научной и учебной литературе также присваивается статус цивилизаций: степная тенгрианская цивилизация, булгарская цивилизация, золотоордынская цивилизация, позднезолотоордынская цивилизация (см., напр.: Хахим 1999; Исхаков и др. 2009).

В целом обращение к истории тюркской цивилизации позволяет удревнить историю татарского народа и начинать ее не с появления Волжской Булгарии в Среднем Поволжье, а с создания государства Хунну и Тюркского каганата в Центральной Азии. Как пишет Р. Хахимов, «гунны — тюрки — булгары (болгары) — татаро-монголы — современные татары, такова формула этногенеза татар. Эти близкие по языку и культуре этносы шли двумя мощными потоками: гунно-тюркским и тюрко-татарским. Гунно-тюркская волна оставила после себя государственность в виде Волжской Булгарии и Дунайской Булгарии, а тюрко-татарский поток наложился на булгарскую и кипчакскую среду, преобразовав многочисленные тюркские племена в единый тюрко-татарский народ. Особая

роль в этом процессе выпала на долю Золотой Орды — одного из самых развитых государств для своего времени» (Хаким 2007: 271). Данная концепция происхождения татарского народа представлена практически во всех учебных пособиях по истории Татарстана (Фахрутдинов 2000; Гилязов и др. 2008; Исхаков и др. 2009; Хузин и др. 2011; Хузин, Пискарев 2012).

Помимо удревления истории происхождения татарского народа, предпринимаются также попытки удревить историю первого появления тюркоязычных групп на территории Среднего Поволжья, т.е. на территории современного Татарстана. Радикальная позиция, которая, по мнению Р. Сулейманова, развивается в духе «тюркомонии» состоит в том, что «везде и всюду в прошлом любых древних цивилизаций (от Древнего Египта, Шумера, Греции до государств инков, ацтеков и майя) видеть тюркские корни, при этом абсолютно не берется в расчет элементарная логика, факты, научные исследования других российских и зарубежных ученых, которые если не подтверждают очередное “открытие” татарских академиков, то тут же обвиняются в европоцентризме или татарофобии» (Сулейманов 2011). Как отмечают сторонники этой позиции, авторы учебника по истории Татарстана Д. Сабирова и Я. Шарапов: «Племена Волго-Урала во II тысячелетии до н.э. уже различались по языку (северотюркские и финно-угорские) <...>. Тюркские племена Волго-Урала в исторической науке рассматриваются как северные тюрки, или европейские тюрки Северо-Востока Восточной Европы. Северотюркские племена стояли у истоков местной тюркской цивилизации, которая стала частью общетюркской исламской цивилизации» (Сабирова, Шарапов 2009)*. Но эта радикальная позиция не признается в рамках доминирующей версии национальной истории и не нашла место в других учебных пособиях по истории Татарстана. В них даются более «скромные» даты появления на Среднем Поволжье тюркоязычных групп, часто в форме предположений, например: «Есть основания полагать, что территория Среднего Поволжья была освоена тюрко-огурскими племенами ранее, возможно, еще в V–VI вв.» (Исхаков и др. 2009: 52).

Итак, образы тюркской цивилизации весьма востребованы творцами доминирующей идеологии и национальной истории в Татарстане. Важно отметить, что при конструировании истории тюркской цивилизации идеологема тюркизма соединяется с другими идеологемами: пантатаризмом, исламоцентризмом и т.д. Альтернативную версию истории тюркско-

* Важно отметить, что учебник этих авторов (Сабирова, Шарапов 2009) не имеет грифа Министерства образования РТ, но зато имеет гриф Министерства образования РФ.

го мира предлагают сторонники тюрко-тенгрианской идеологии. Главным отличием их версии истории от версии, создаваемой в рамках доминирующей татарской идеологии, является критика роли ислама и желание вернуться к исконной религии всех тюркских народов — тенгризму (Мухаметдинов 2006: 158–168). Но сторонники тюрко-тенгрианской идеологии имеют достаточно слабые позиции для того, чтобы донести свои идеи до большинства жителей Татарстана, в отличие от сторонников доминирующей идеологии, которые, обладая немалыми ресурсами, активно используют для продвижения своих идей СМИ, систему образования и т.д.

Далее возникает вопрос: насколько представлены и значимы образы тюркской цивилизации для жителей Татарстана? Сторонники доминирующей татарской идеологии нередко выражают по этому поводу пессимизм. Так, Рафаэль Хакимов считает, что «пантюркизм так и остался пугалом в руках слабых и интеллектуально оскудевших чиновников России. Для самих тюрков — это тема узкого круга интеллектуалов, народ не осязает, не понимает, да и вряд ли захочет воспринимать эту идеологию» (Хакимов 2005: 77). В следующем разделе мы проверим предположение Р. Хакимова с помощью социологических методов.

Массовые представления об истории тюркского мира

В этом разделе мы обратимся к анализу социологических данных, полученных в рамках проекта «Войны памяти» и «конвенции памяти» в постсоветском Татарстане с помощью методов интервью (N=170 информантов) и анкетного опроса жителей Казани (N=1000 респондентов)*. Интервью проводились как с экспертами (профессиональными историками, политическими активистами и т.д.), так и с простыми жителями Казани. Исходя из целей статьи обратимся к анализу интервью, проведенных с представителями последней группы. В ходе интервью мы не задавали конкретных вопросов ни по истории тюркского мира, ни по другим историческим эпохам. Интервьюеру необходимо было узнать у информанта его представления и оценку «нашей истории». Предполагалось, что информант самостоятельно выберет то, что для него является «нашей историей». В этом случае информант сам идентифицировал себя как часть «воображаемого сообщества» (государства, той или иной этнической или социальной группы). Кто-то из информантов выбирал в качестве «нашей истории» историю России и (или) СССР, кто-то — историю Татарстана и

* Анкетный опрос был проведен в Казани в мае 2014 г. на основе репрезентативной выборки, в которой пропорционально представлены основные группы населения города по критерию этничности, пола, возраста и образования.

(или) татарского народа, для кого-то важна была история своего города. Чтобы избежать искажений по этническому принципу, интервью с татарами проводили татары, а интервью с русскими информантами проводили русские интервьюеры*.

Поиск «тюркских» нарративов в материалах интервью показал, что в абсолютном большинстве интервью эти нарративы просто отсутствуют, а в тех интервью, в которых они присутствуют, они представлены в небольшом объеме. Тем более не удалось выявить в материалах интервью присутствие таких словосочетаний, как «тюркская цивилизация» или «тюркский мир». Хотя в одном интервью встречается словосочетание «тюркский народ». Так, отвечая на вопрос о начале «нашей истории», информант говорит следующее: *«Начало истории, смотря из каких источников. Например, если то, что называется Кораном — это Священная Книга, то, наверное, история начинается, как там написано, что появился пророк Мухаммед, с него вся история начинается. А если брать историю как науку, там, скорее всего, история начинается с тюркского народа, откуда начали свой путь я не помню, но они начали кочевать, и в итоге получилось то, что у нас случилось»* (ВПИМ-7).

В первую очередь «не повезло» тюркским кочевым империям — государству Хунну и Тюркскому каганату. Они практически не упоминаются в интервью. Намного больше представлены нарративы по истории Волжской Булгарии, Золотой Орды и Казанского ханства. Но здесь важно отметить, что информанты, в отличие от татарских историков, не рассматривают их как тюркские государства и не пытаются выстраивать линию исторической преемственности от тюркских кочевых империй Евразии. Для информантов скорее важным является, то, что Волжская Булгария, Золотая Орда или Казанское ханство — татарские государства, в которых проживали предки современных татар и которые располагались на территории современного Татарстана. В одном из интервью «тюркские народы» рассматриваются как предки татар, но при этом они географически лока-

* Перед тем как перейти непосредственно к анализу эмпирических материалов, хотелось бы сказать об ограничениях нашего социологического исследования. Большинство интервью и анкетный опрос были проведены в столице Татарстана Казани, которая, по мнению ряда исследователей, существенно отличается от других городов республики. Казань считается космополитичным городом, например в отличие от Набережных Челнов (Сагитова 1998). Так, в Казани весьма высока доля межэтнических браков (Столярова 2013). Поэтому, возможно, идеологиемы татарского национализма, в том числе идеологема пантюркизма, более популярны и лучше представлены в массовых представлениях в других городах и сельской местности Татарстана.

лизованы в Поволжье, а не в Центральной Азии: «Наши предки, основываясь на тех знаниях, которые получили мы в школе, в институтах, это, все-таки, я отношу себя к татарам, они появились от тюркских народов, которые жили не только на территории Татарстана, но и по всему Поволжью, вплоть до Турции, насколько я знаю» (ВПИМ-8).

В отличие от интервью, в анкете массового опроса присутствовали «тюркские» варианты в вопросах, но результаты опроса также показали малую значимость тюркской истории для жителей Татарстана. Так, отвечая на вопрос «Какие эпохи в истории Татарстана наиболее интересны для вас?», только 6,9 % татар и 7,4 % всех респондентов выбрали вариант «Древние тюркские государства Евразии (государство Хунну, Тюркский каганат)» (табл. 1)*.

Таблица 1

Эпохи в истории Татарстана, вызывающие наибольший интерес

Какие эпохи в истории Татарстана наиболее интересны для вас? (не более трех вариантов ответа)	Татары	Русские	Всего
Волжская Булгария	40 %	28,7 %	34,3 %
Золотая Орда	20,9 %	19,1 %	20 %
Казанское ханство	23,9 %	16,1 %	20 %
Время царствования Екатерины II	14,4 %	15,7 %	15 %
История Казанской губернии в XIX в.	12,2 %	13,4 %	12,8 %
История постсоветского Татарстана	11,0 %	8,7 %	9,8 %
Древние тюркские государства Евразии (государство Хунну, Тюркский каганат)	6,9 %	7,9 %	7,4 %

Конечно, можно было бы результаты этого вопроса интерпретировать по-другому и сказать, что первые позиции в этом вопросе заняли «тюркские» государства (Волжская Булгария, Золотая Орда и Казанское ханство). Но, как показывают ответы на вопрос о начале истории Татарстана, большинство информантов не рассматривают создание общетюркского государства — Тюркского каганата — как начальную точку истории и, таким образом, по сути, исключают историю тюркских кочевых империй из истории Татарстана. Только 4,8 % респондентов-татар и 4,3 % всех респондентов выбрали этот вариант ответа (табл. 2).

* В этой таблице, как и в следующих, представлены не все варианты ответов, которые присутствовали в анкете. Вопросы приводятся не том порядке, в котором они стояли в анкете, а в порядке убывания.

Таблица 2

Начало истории Татарстана

С какого момента, на ваш взгляд, начинается история Татарстана? (один вариант ответа)	Татары	Русские	Всего
Создание Татарской АССР	18,2 %	16,2 %	17,2 %
Появление Волжской Булгарии	16,6 %	14,8 %	15,7 %
Появление Золотой Орды	8,4 %	14,2 %	11,3 %
Присоединение к Московскому государству при Иване Грозном	9,8 %	9,0 %	9,4 %
Создание Болгарского ханства Кубратом в Причерноморье	8,8 %	8,6 %	8,7 %
Принятие ислама в 922 г.	5,4 %	5,8 %	5,6 %
Создание Казанского ханства	5,0 %	4,6 %	4,8 %
Создание Тюркского каганата	4,8 %	3,8 %	4,3 %

Чуть больше «повезло» общетюркским эпохам при выборе респондентами «золотого века» в истории Татарстана. Государство Хунну выбрали 5 % татар и 4,9 % всех респондентов, а Тюркский каганат — соответственно 7 % татар и 6 % всех респондентов (табл. 3). Еще больше респондентов признают древних тюрков в качестве предков татар. Отвечая на вопрос «Как вы считаете, кто является предками татарского народа?», 18,8 % татар и 18,6 % всех респондентов выбрали вариант «Древние тюркские племена». При этом варианты «волжские булгары» и «татаро-монголы» оказались более популярны (табл. 4).

Таблица 3

«Золотой век» в истории Татарстана

Какой период истории Татарстана, на ваш взгляд, можно назвать «золотым веком»? (один вариант ответа)	Татары	Русские	Всего
Настоящее время	17,2 %	17,6 %	17,4 %
Казанское ханство	15,8 %	12,2 %	14,0 %
Золотая Орда	12,6 %	13,8 %	13,2 %
Тюркский каганат	7,0 %	5,0 %	6,0 %
Волжская Булгария	6,6 %	4,6 %	5,6 %
Государство Хунну	5,0 %	4,8 %	4,9 %

Таблица 4

Предки татарского народа

Как вы считаете, кто является предками татарского народа? (один вариант ответа)	Татары	Русские	Всего
Волжские булгары и татаро-монголы	23,8 %	23,4 %	24,1 %
Татаро-монголы	20,2 %	21,6 %	20,9 %
Волжские булгары	15,4 %	15,4 %	15,4 %
Древние тюркские племена	18,8 %	18,4 %	18,6 %
Кряшены	6,8 %	5,2 %	6,0 %
Шумеры	1,2 %	1,6 %	1,4 %

В вопросах анкеты, в которых респондентам необходимо было дать эмоциональные оценки, тюркская история оказалась мало значимой (табл. 5, 6). Только 3,5 % респондентов испытывали стыд за распад Тюркского каганата и 1,5 % считали это событие трагической страницей в истории Татарстана.

Таблица 5

События и эпохи в истории Татарстана, которые вызывают стыд

Какие события и эпохи в истории Татарстана вызывают у вас стыд? (не более трех вариантов ответа)	Татары	Русские	Всего
Война в Чечне	20,4 %	20,7 %	20,6 %
Война в Афганистане	22,2 %	17,4 %	19,8 %
Сталинские репрессии	19,6 %	19,5 %	19,5 %
Гонения на мусульман в XVI–XVIII вв.	22,8 %	13,9 %	18,4 %
Эпоха Ельцина	17,6 %	13,3 %	18,4 %
Распад Тюркского каганата	3,4 %	3,5 %	3,5 %

Таблица 6

Трагические страницы истории Татарстана

Какие события и эпохи вы считаете самыми трагическими в истории Татарстана? (не более трех вариантов ответа)	Татары	Русские	Всего
Великая Отечественная война 1941–1945 гг.	32,3 %	37,1 %	34,7 %
Война в Афганистане	15,1 %	19,0 %	17,0 %
Война в Чечне	13,7 %	16,3 %	15,0 %
Гонения на мусульман в XVI–XVIII вв.	14,9 %	12,2 %	13,6 %
Сталинские репрессии	11,1 %	14,1 %	12,6 %
Падение Казани в 1552 г.	11,7 %	6,1 %	8,9 %
Распад Тюркского каганата	1,8 %	1,2 %	1,5 %

Наконец, для подтверждения предположения Р. Хакимова о непринятии идей пантюркизма среди простых жителей Татарстана приведем результаты анализа ответов на вопрос «Какие культуры из нижеперечисленных вам наиболее близки?» Отвечая на этот вопрос, только 1,2 % татар и 0,4 % русских выбрали вариант «тюркская культура» (табл. 7).

Таблица 7

Близкие культуры

Какие культуры из нижеперечисленных вам наиболее близки? (не более трех вариантов ответа)	Татары	Русские	Всего
Российская	38,0 %	40,6 %	39,3 %
Русская	16,5 %	39,4 %	28,0 %
Татарская	44,5 %	11,4 %	27,9 %
Мировая культура в целом	20,7 %	18,4 %	19,6 %
Советская	14,5 %	15,8 %	15,1 %
Европейская	12,5 %	16,4 %	14,4 %
Казанская	11,1 %	6,2 %	8,6 %
Исламская	13,1 %	2,8 %	7,9 %
Арабская	10,3 %	2,6 %	6,4 %
Турецкая	7,6 %	1,2 %	4,4 %
Тюркская	1,2 %	0,4 %	0,8 %

Таким образом, по результатам эмпирического исследования для большинства жителей Татарстана сюжеты тюркской истории имеют малое значение. Важно отметить, что по результатам анкетного опроса не было выявлено статистически значимых различий между возрастными группами (за исключением вопроса о близких культурах). Даже те поколения, которые получали образование в постсоветское время, не испытывают большого интереса к истории «тюркской цивилизации».

Заключение

В заключении мы попробуем ответить на следующий вопрос: почему история тюркского мира малозначима для простых жителей Татарстана? Первая причина невостребованности истории тюркской цивилизации на уровне массовых представлений — бесполезность образов «далекой истории» в повседневной жизни. В 2001 г. казанский социолог Е.А. Бондаренко сделала вывод о том, что для жителей Татарстана более значимы и востребованы политические компоненты общественной жизни, чем историко-культурные символы (Бондаренко 2001). Другими

словами обычные люди живут больше насущным настоящим, чем историческим прошлым. С этим выводом согласуются результаты проекта «Войны памяти» и «конвенции памяти» в постсоветском Татарстане». В том случае если историческое прошлое имеет значение для некоторых людей, то более значимыми являются события недавнего прошлого. В Татарстане, например, более востребована и эмоционально окрашена близкая история XX в. (например, события Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.), чем далекая средневековая история. Этот факт можно также объяснить тем, что в трансляции истории XX — начала XXI в. задействованы не только институты культурной памяти, но и коммуникативная память, передающаяся в устной форме на протяжении 3–4 поколений (Ассман 2004).

В рамках же средневековой истории жителям Татарстана более интересна история татарских государств (Волжской Булгарии, Золотой Орды, Казанского ханства), чем сюжеты, связанные с историей тюркских кочевых империй (государства Хунну и Тюркского каганата). Также это свидетельствует о том, что для жителей Татарстана намного важнее региональная, этническая и (или) российская идентичность (Макарова 2013), чем идентификация с полумифической тюркской цивилизацией. Вторая важная причина состоит в том, что, несмотря на доминирование в Татарстане на элитарном уровне, татарская национальная идеология не выдерживает конкуренции на уровне массовых представлений с исторической идеологией, создаваемой в первую очередь в Москве и Санкт-Петербурге*. В московской версии истории практически нет места для тюркской цивилизации**.

* О слабости трансляции идеологемы «тюркской цивилизации» со стороны татарских элит свидетельствует тот факт, что по результатам анкетного опроса, как мы уже упоминали, не было выявлено статистически значимых различий между возрастными группами.

** Ради справедливости отметим, что упоминания о ранних тюркских государствах все-таки появились в последние годы в федеральных учебниках (Шнирельман 2016). Но вряд ли эти упоминания на настоящий момент могли кардинально повлиять на исторические представления татарстанцев.

Литература и источники

Аймермахер К., Бордюгов Г. (ред.) (1999) *Национальные истории в советском и постсоветском государствах*. М.: Фонд Фридриха Науманна, АИРО-XX.

Андерсон Б. (2001) *Воображаемые сообщества*. М.: Канон-Пресс-Ц.

Ассман Я. (2004) *Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности*. М.: Языки славянской культуры.

Бомсдорф Ф., Бордюгов Г. (ред.) (2009) *Национальные истории на постсоветском пространстве — II*. М.: Фонд Фридриха Науманна, АИРО-XX.

Бондаренко Е.А. (2001) Отчет по результатам обследования этнонациональной идентичности населения и сферы культурного и медиа-потребления в Татарстане. *Постсоветская культурная трансформация: медиа и этничность в Татарстане*. Казань: Изд-во КГУ: 234–264.

Браславский Р.Г. (2009) Сетевой подход в современном цивилизационном анализе: изменение парадигмы. *Петербургская социология сегодня. Сборник научных трудов Социологического института РАН*. СПб.: Нестор-История: 68–82.

Браславский Р.Г. (2012) Цивилизационная перспектива в социологическом анализе современных обществ. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 15 (6): 30–49.

Браславский Р.Г. (2013) Цивилизационная теоретическая перспектива в социологии. *Социологические исследования*, 2: 15–24.

Галиндабаева В.В. (2014) Кряшенская идентичность и конструирование исторической памяти: массовые представления и элитарные версии. *Региональная идентичность в историческом и культурном пространстве России*. Ч. 1. Липагова Н.В. (ред.-сост.). Ульяновск: Корпорация технологий продвижения: 197–206.

Гибатдинов М.М. (2003) *Преподавание истории татарского народа и Татарстана в общеобразовательной школе: история и современность*. Казань: Институт истории АН РТ.

Гилязов И. (2000) Из опыта преподавания национальной истории: история татарского народа в Казанском университете — вчера и сегодня. *Ab Imperio*, 3–4: 359–356.

Гилязов И.А., Пискарев В.И., Хузин Ф.Ш. (2008) *История Татарстана и татарского народа с древнейших времен до конца XIX века*. Учебное пособие для 10 класса средней общеобразовательной школы. Казань: Хэтер.

Иванова В.В. (2012) Спелое яблоко. Идеалы пантюркизма и идентификационный синкретизм. *Азия и Африка сегодня*, 1: 65–71.

Исхаков Д. (1997) *Проблемы становления и трансформации татарской нации*. Казань: Мастер Лайн.

Исхаков Д. (2002) Взгляд на всероссийскую перепись из Татарстана. *Ab Imperio*, 4: 235–249.

Исхаков Д.М., Измайлов И.И., Гилязов И.А., Гибатдинов М.М. (2009) *История татарского народа (с древнейших времен до конца XVII века)*: учеб. пособие для 10 класса общеобразовательных школ (профильный уровень). Исхаков Д.М. (ред.). Казань: Магариф.

Исхаков С. (1999) История народов Поволжья и Урала: проблемы и перспективы «национализации». *Национальные истории в советском и постсоветском государствах*. Аймермахер К., Бордюгов Г. (ред.). М.: Фонд Фридриха Науманна, АИРО-XX.

Козловский В.В. (2009) Цивилизационные вызовы современности. *Петербургская социология сегодня. Сборник научных трудов Социологического института РАН*. СПб.: Нестор-История: 55–67.

Макарова Г.И. (2013) Российская и региональная идентичность в Республике Татарстан в контексте изменений этнокультурной политики. *Этносоциология в Татарстане: опыт полевых исследований. Сб. статей к юбилею Л.М. Дробижевой*. Мусина Р.Н., Габдрахманова Г.Ф., Макарова Г.И., Сагитова Л.В. (ред.). Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ: 149–170.

Масловский М.В. (2012) Цивилизационный анализ в современной исторической социологии и российские политические трансформации. *Мир России: Социология. Этнология*, 21 (3): 119–132.

Миллер А., Липман М. (ред.) (2012) *Историческая политика в XXI веке*. Сборник статей. М.: Новое литературное обозрение.

Мухамметдинов Р.Ф. (1996) *Зарождение и эволюция тюркизма*. Казань: Заман.

Мухаметдинов Р.Ф. (2006) *Идейно-политические течения в постсоветском Татарстане (1991–2006 гг.). (Сопоставление с опытом Турции)*. Казань: Тамга.

Мухарямова Л.М., Андреева А.Р. (2013) Институционализация национальной школы в постсоветской России. *Этносоциология в Татарстане: опыт полевых исследований. Сб. статей к юбилею Л.М. Дробижевой*. Мусина Р.Н., Габдрахманова Г.Ф., Макарова Г.И., Сагитова Л.В. (ред.). Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ: 87–115.

Низамова Л.Р. (2001) Медиа-продукт и «национальная» идеология: кейс-стади Всемирного конгресса татар. *Постсоветская культурная трансформация: медиа и этничность в Татарстане*. Казань: Изд-во КГУ: 166–233.

Низамова Л.Р. (2013) Смешанные этнические идентичности в мультикультурном обществе. *Этносоциология в Татарстане: опыт полевых исследований. Сб. статей к юбилею Л.М. Дробижевой*. Мусина Р.Н., Габдрахманова Г.Ф., Макарова Г.И., Сагитова Л.В. (ред.). Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ: 171–183.

Овчинников А.В. (2015) Кровь и плоть воображаемых сообществ: биологизация этничности в дискурсах национальных историй (по материалам постсоветского Татарстана). *Конфликтогенный потенциал национальных историй*: сб. науч. статей. Казань: Универсум: 177–198.

Овчинников А.В. (2010) Новый подход к изучению феномена современной «национальной историографии» (на примере «истории татарского народа»). *Вестник Удмуртского университета*, 1: 79–85.

Понарин Э.Д., Жирков К.А. (2013) Национализм этнический и политический: институциональные факторы татарского национализма в республиках Волжско-Уральского региона. *Мир России: Социология. Этнология*. 22(3): 152–177.

Прозорова Ю.А. (2012) Политический дискурс о цивилизационной идентичности в России: перестройка и постсоветский период. *Журнал социологии и социальной антропологии*, т. XV, № 6 (65): 131–146.

Прозорова Ю.А. (2013) Интегративная перспектива в цивилизационном анализе. *Петербургская социология сегодня* 2012. Сборник научных трудов Социологического института РАН. Вып. 4. СПб.: Нестор-История: 31–56.

Прозорова Ю.А. (2014) «Дискурсивный поворот» и конструктивистский подход к цивилизационной идентичности. *Многоликая современность. Сборник к 60-летию доктора философских наук, профессора Владимира Вячеславовича Козловского*. Брславский Р.Г., Малинов А.В. (отв. ред.). СПб.: Интерсоцис: 222–256.

Репина Л.П. (2003) *Культурная память и проблемы историописания (историографические заметки)*. М.: ГУ ВШЭ.

Сабирова Д.К., Шарапов Я.Ш. (2009) *История Татарстана с древнейших времен до наших дней*: учеб. для студентов высших учебных заведений. М.: Кнорус.

Сагитова Л.В. (1998) *Этничность в современном Татарстане*. Казань: Татполиграф.

Сибгатуллина А. (2010) *Контакты тюрок-мусульман Российской и Османской империй на рубеже XIX–XX вв.* М.: Фонд исследований исламской культуры.

Соколовский С. (2002) «Татарская проблема» во всероссийской переписи населения. *Ab Imperio*, 4: 207–234.

Соколовский С.В. (2004) *Кряшены во Всероссийской переписи населения 2002 года*. М.: ИЭА РАН.

Столярова Г.Р. (2013) Межэтнические отношения в Казани: традиции взаимодействия и тенденции развития. *Этносоциология в Татарстане: опыт полевых исследований. Сб. статей к юбилею Л.М. Дробизевой*. Мусина Р.Н., Габдрахманова Г.Ф., Макарова Г.И., Сагитова Л.В. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ: 194–206.

Сулейманов Р. (2011) Тюркомания в исторической науке постсоветского Татарстана. *Сувары.РФ* [<http://сувары.рф/ru/content/tyurkomaniya-v-istoricheskoy-nauke-postsovetского-tatarstana>] (дата обращения 07.03.2018).

Усманова Д. (2003) Создавая национальную историю татар: историографические и интеллектуальные дебаты на рубеже веков. *Ab Imperio*, 3: 337–360.

Уяма Т. (2003) От «булгаризма» через «марризм» к националистическим мифам: дискурсы о татарском, чувашском и башкирском этногенезе. *Новая волна в изучении этнополитической истории Волго-Уральского региона*. Мацузато К. (ред.). Саппоро: Центр славянских исследований: 16–51.

Фахрутдинов Р.Г. (2000) *История татарского народа и Татарстана. Древность и средневековье*: учеб. для средних общеобразовательных школ, гимназий и лицеев. Казань: Магариф.

Ферро М. (1992) *Как рассказывают историю детям в разных странах мира*. М.: Высшая школа.

Хаким Р. (1999) История татар и Татарстана: методологические и теоретические проблемы. «Панорама-Форум», 19, спецвыпуск.

Хаким Р. (2005) *Метаморфозы духа (к вопросу о тюркско-татарской цивилизации)*. Казань: Идел-Пресс.

Хаким Р.С. (2007) *Тернистый путь к свободе (Сочинения 1989–2006 гг.)*. Казань: Татарское книж. изд-во.

Хакимов Р.С. (2014) *Татарстан: идеология регионального развития*. Казань: КЦФПП, ЯЗ.

Хузин Ф.Ш. и др. (2011) *История и культура татарского народа (Древний мир и Средние века)*: учеб. пособие для 5 кл. основной общеобразоват. школы с рус. яз. обучения. Казань: Татарское книж. изд-во.

Хузин Ф.Ш., Пискарев В.И. (2012) *История Татарстана с древнейших времен до середины XVI века*: учеб. пособие для 6 класса общеобразоват. школы. Казань: Хэтер.

Цвиклински С. (2003) Татаризм vs. Булгаризм: «первый спор» в татарской историографии. *Ab Imperio*, 3: 361–390.

Червоная С. (2003) Пантюркизм и панисламизм в российской истории. *Отечественные записки*, 5: 152–156.

Шнирельман В. (2002) Идентичность и образы предков: татары перед выбором. *Вестник Евразии*, 4: 128–147.

Шнирельман В. (1998) От конфессионального к этническому: болгарская идея в национальном самосознании казанских татар в XX веке. *Вестник Евразии*, 1–2: 131–152.

Шнирельман В.А. (2002) Цивилизационный подход, учебники истории и «новый расизм». *Расизм в языке социальных наук*. СПб.: Алетейя: 131–152.

Шнирельман В.А. (2003) *Войны памяти. Мифы, идентичность и политика в Закавказье*. М.: Академкнига.

Шнирельман В.А. (2016) «Общее прошлое»: федеральные и татарстанские школьные учебники истории. *Историческая экспертиза*, 4: 111–132.

Alvarez Veinguer A. (2007) (Re)Presenting Identities: National Archipelagos in Kazan. *Nationalities Papers*, 35 (3): 457–476.

Alvarez Veinguer A., Davis H. (2007) Building a Tatar elite. Language and national schooling in Kazan. *Ethnicities*, 7 (2): 186–207.

Collins R. (2001) Civilizations as Zones of Prestige and Social Contact. *International Sociology*, 16 (3): 421–437.

Davis, H., Hammond P., Nizamova L. (2000) Media, Language Policy and Cultural Change in Tatarstan: Historic vs. Pragmatic Claims to Nationhood. *Nations and Nationalism*, 6 (2): 203–226.

Derrick M. (2009) Revisiting ‘Sovereign’ Tatarstan. *Usak Yearbook*, 2: 283–306.

Derrick M. (2013) The Tension of Memory: Reclaiming the Kazan Kremlin. *Acta Slavica Iaponica*, 33: 1–25.

Faller H.M. (2011) *Nation, Language, Islam: Tatarstan's Sovereignty Movement*. Budapest, N.Y.: Central European University Press.

Gorenburg D. (2003) *Minority ethnic mobilization in the Russian Federation*. Cambridge: Cambridge University Press.

Graney K.E. (2009) *Of Khans and Kremlins: Tatarstan and the Future of Ethno-Federalism in Russia*. Lanham: Lexington Books.

Hall M., Jackson P.T. (eds.) (2007) *Civilizational Identity: The Production and Reproduction of “Civilizations” in International Relations*. N.Y.: Palgrave Macmillan.

Kaplonski C. (2004) *Truth, history and politics in Mongolia: The memory of heroes*. L., N.Y.: Routledge.

Kinossian N. (2012) Post-Socialist Transition and Remaking the City: Political Construction of Heritage in Tatarstan. *Europe-Asia Studies*, 64 (5): 879–901.

Landau J.M. (1988) The fortunes and misfortunes of Pan-Turkism. *Central Asian Survey*, 7 (1): 1–5.

Landau J.M. (1995) *Pan-Turkism: From Irredentism to Cooperation*. L.: Hurst & Company.

Laruelle M. (2008) *Russian Eurasianism: An Ideology of Empire*. Baltimore: The Johns Hopkins University Press.

Meurs van W. (2003) Tatar Textbooks: The Next Matrioshka. *Ab Imperio*, 3: 407–421.

Rorlich Azode-Ayse (1999) History, Collective Memory and Identity: the Tatars of Sovereign Tatarstan. *Communist and Post-Communist Studies*, 32 (4): 379–396.

Schamiloglu U. (2001) We Are Not Tatars! The Invention Bulgar Identity. In: Károly L., Nagy Kincses É. (ed.). *Néptörténet — Nyelvtörténet. A 70 éves Róna-Tas András köszöntése*. Szeged: 137–153.

Shnirelman V. (1996) *Who gets the past? Competition for ancestors among non-Russian intellectuals in Russia*. Washington D. C., Baltimore, L.: Woodrow Wilson Center Press, Johns Hopkins University Press.

Wallerstein I. (1978) Civilizations and modes of production: Conflicts and convergences. *Theory and Society*, 5 (1): 1–10.

Yémelianova G.M. (1997) The national identity of the Volga Tatars at the turn of the 19th century: Tatarism, Turkism and Islam. *Central Asian Survey*, 16 (4): 543–572.

Zverev A. (2002) ‘The Patience of a Nation is Measured in Centuries.’ National Revival in Tatarstan and Historiography. In: Coppeters B. and M. Huysseune (eds.) *Secession, History and the Social Sciences*. VUB Brussels University Press.

Список информантов

ВПМ-7 — татарин, 37 лет, высшее образование (интервью К. Озеровой)

ВПМ-8 — татарка, 38 лет, высшее образование (интервью К. Озеровой)

THE HISTORY OF “TURKISH CIVILIZATION” IN POST-SOVIET TATARSTAN: ELITIST VERSIONS AND MASS REPRESENTATIONS

*Nikolay Karbainov**

The Sociological Institute, Russian Academy of Sciences,
Saint Petersburg, Russia

Citation: Karbainov N.I. (2018) Obrazy istorii “Tyrurkskoj civilizacii” v postsovetском Tatarstane: ehliitarnye versii i massovye predstavleniya [The History of “Turkish Civilization” in Post-Soviet Tatarstan: Elitist Versions and Mass Representations]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 21(2): 45–74 (in Russian). <https://doi.org/10.31119/jssa.2018.21.2.2>

Abstract. The article deals with the key concept of the Tatar historical ideology “Turkic civilization” that was derived from the intersection of ideas of pan-Turkizm and civilization theory. Turkic concept was also linked to the important ideas of Tatar nationalism, such as pan-Tatarism, Islamism etc. Elitist interpretations of Turkic civilization history are conveyed into mass consciousness of Tatarstan residents by mass media, popular scientific literature and textbooks. However in spite of all these efforts images of Turkic World are not popular amongst Tatarstan inhabitants. The first reason why history of Turkic civilization is unpopular is irrelevance of remote past images for everyday life. Tatarstan residents are more interested in and emotionally involved with the history of XXth century (for example, the Great Patriotic War 1941–1945) then with

* E-mail: nkarbainov@gmail.com

the medieval history. At the same time Tatarstan inhabitants are more interested in the history of Tatar states (Volga Bulgaria, the Golden Horde and Kazan Khanate) within the medieval period. The second reason is that while Tatar historical ideology predominates on the regional level it loses out to Moscow historical ideology on the federal level. There is no place for Turkic World in Moscow interpretation of history.

Keywords: civilization analysis, civilisational identity, pan-ideology, pan-Turkism, Turkism, Turkic civilization, Turkic world, Tatarstan.

References

Alvarez Veinguer A. (2007) (Re)Presenting Identities: National Archipelagos in Kazan. *Nationalities Papers*, 35 (3): 457–476.

Alvarez Veinguer A., Davis H. (2007) Building a Tatar elite. Language and national schooling in Kazan. *Ethnicities*, 7 (2): 186–207.

Anderson B. (2001) *Vobrazhaemye soobshchestva* [Imagined Community]. Moscow: Kanon-Press-C (in Russian).

Assman J. (2004) *Kul'turnaya pamyat'. Pis'mo, pamyat' o proshlom i politicheskaya identichnost' v vysokih kul'turah drevnosti* [Cultural Memory. Writing, Remembrance and Political Identity]. Moscow: Yazyki slavyanskoj kul'tury (in Russian).

Bomsdorf F., Bordyugov G. (eds.) (2009) *Nacional'nye istorii na postsovetском prostranstve — II* [National History in Post-Soviet Space-II]. Moscow: Fridrih Naumann Foundation, AIRO-XX (in Russian).

Bondarenko E.A. (2001) Otchet po rezul'tatam obsledovaniya ehnonacional'noj identichnosti naseleniya i sfery kul'turnogo i media-potrebleniya v Tatarstane [Report on the results of the survey of ethnonational identity of the population and the sphere of cultural and media consumption in Tatarstan]. *Postsovetskaya kul'turnaya transformaciya: media i ehtnichnost' v Tatarstane* [Post-Soviet Cultural Transformation: Media and Ethnicity in Tatarstan]. Kazan: KGU Press: 234–264 (in Russian).

Braslavsky R.G. (2009) Setevoj podhod v sovremennom civilizacionnom analize: izmenenie paradigmy [The Network Approach in Contemporary Civilizational Analysis: A Changing Paradigm]. *Peterburgskaya sociologiya segodnya. Sbornik nauchnyh trudov Sociologicheskogo instituta RAN* [Petersburg sociology today. Collection of scientific works of the Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya: 68–82 (in Russian).

Braslavsky R.G. (2012) Civilizacionnaya perspektiva v sociologicheskom analize sovremennyh obshchestv [The civilization perspective in the sociological analysis of modern societies]. *Zhurnal sociologii i social'noj antropologii* [Journal of Sociology and Social Anthropology], 15 (6): 30–49 (in Russian).

Braslavsky R.G. (2013) Civilizacionnaya teoreticheskaya perspektiva v sociologii [Civilizational theoretical perspective in sociology]. *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological research], 2: 15–24 (in Russian).

Chervonnaya S. (2003) Pantyrkizm i panislamizm v rossijskoj istorii [Pan-Turkism and pan-Islamism in Russian history], *Otechestvennye zapiski* [Annals of the Fatherland], 5: 152–156 (in Russian).

Collins R. (2001) Civilizations as Zones of Prestige and Social Contact. *International Sociology*, 16 (3): 421–437.

Davis H., Hammond P., Nizamova L. (2000) Media, Language Policy and Cultural Change in Tatarstan: Historic vs. Pragmatic Claims to Nationhood. *Nations and Nationalism*, 6 (2): 203–226.

Derrick M. (2009) Revisiting 'Sovereign' Tatarstan. *Usak Yearbook*, 2: 283–306.

Derrick M. (2013) The Tension of Memory: Reclaiming the Kazan Kremlin. *Acta Slavica Iaponica*, 33: 1–25.

Eimermacher K., Bordyugov G. (eds.) (1999) *Nacional'nye istorii v sovetskom i post-sovetskom gosudarstvah* [National histories in Soviet and Post-Soviet States]. Moscow: Fridrich Naumann Foundation, AIRO-XX (in Russian).

Fakhrutdinov R.G. (2000) *Istoriya tatarskogo naroda i Tatarstana. Drevnost' i srednevekov'e*. Uchebnik dlya srednih obshcheobrazovatel'nyh shkol, gimnazij i liceev [History of the Tatar people and Tatarstan. Antiquity and the Middle Ages. Textbook for secondary schools, gymnasiums and lyceums]. Kazan: Magarif (in Russian).

Faller H.M. (2011) *Nation, Language, Islam: Tatarstan's Sovereignty Movement*. Budapest, New York: Central European University Press.

Ferro M. (1992) *Kak rasskazyvayut istoriyu detyam v raznyh stranah mira* [How to tell a history to children in different countries of the world]. Moscow: Vysshaya shkola (in Russian).

Galindabaeva V.V. (2014) Kryashenskaya identichnost' i konstruirovaniye istoricheskoy pamyati: massovye predstavleniya i ehлитарnye versii [Kryashen identity and the construction of historical memory: mass representations and elitist versions]. In: Lipatova N.V. (ed.) *Regional'naya identichnost' v istoricheskom i kul'turnom prostranstve Rossii* [Regional identity in the historical and cultural space of Russia]. Ch. 1. Ul'yanovsk: Korporaciya tekhnologij prodvizheniya: 197–206 (in Russian).

Gibatdinov M.M. (2003) *Prepodavaniye istorii tatarskogo naroda i Tatarstana v obshcheobrazovatel'noj shkole: istoriya i sovremennost'* [Teaching the history of the Tatar people and Tatarstan in the general education school: history and modernity]. Kazan: Institut istorii AN RT (in Russian).

Gilyazov I. (2000) Iz opyta prepodavaniya nacional'noj istorii: istoriya tatarskogo naroda v Kazanskom universitete — vchera i segodnya [From the experience of teaching national history: the history of the Tatar people at the University of Kazan — yesterday and today]. *Ab Imperio*, 3–4: 359–356 (in Russian).

Gilyazov I., Piskarev V.I., Khuzin F.Sh. (2008) *Istoriya Tatarstana i tatarskogo naroda s drevnejshih vremen do konca XIX veka*. Uchebnoe posobie dlya 10 klassa srednej obshcheobrazovatel'noj shkoly [History of Tatarstan and the Tatar people from ancient times to the end of the XIX century. Textbook for the 10th grade of the secondary school]. Kazan: Heter.

Gorenburg D. (2003) *Minority ethnic mobilization in the Russian Federation*. Cambridge: Cambridge University Press.

Graney K.E. (2009) *Of Khans and Kremllins: Tatarstan and the Future of Ethno-Federalism in Russia*. Lanham: Lexington Books.

Hakim R. (1999) Istoriya tatar i Tatarstana: metodologicheskie i teoreticheskie problem [History of Tatars and Tatarstan: methodological and theoretical problems]. *Panorama-Forum*, 19, Special issue (in Russian).

Hakim R. (2005) *Metamorfozy duha (k voprosu o tyurksko-tatarskoj civilizacii)* [Metamorphosis of the spirit (to the question of the Turkic-Tatar civilization)]. Kazan: Idel-Press (in Russian).

Hakim R.S. (2007) *Ternistyj put' k svobode (Sochineniya 1989 — 2006 gg.)* [A thorny path to freedom (Compositions 1989–2006)]. Kazan: Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo (in Russian).

Hakimov R.S. (2014) *Tatarstan: ideologiya regional'nogo razvitiya* [Tatarstan: the ideology of regional development]. Kazan: KCFPP, Yaz (in Russian).

Hall M., Jackson P.T. (eds.) (2007) *Civilizational Identity: The Production and Reproduction of "Civilizations" in International Relations*. New York: Palgrave Macmillan.

Huzin F.Sh. et al. (2011) *Istoriya i kul'tura tatarskogo naroda (Drevnij mir i Srednie veka): ucheb. posobie dlya 5 kl. osn. obshcheobrazovat. shk. s rus. yaz. obucheniya* [History and culture of the Tatar people (Ancient world and the Middle Ages): a textbook for grade 5 of the main general education school with the Russian language of instruction]. Kazan: Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo (in Russian).

Huzin F.Sh., Piskarev V.I. (2012) *Istoriya Tatarstana s drevnejshih vremen do serediny XVI veka*. Uchebnoe posobie dlya 6 klassa obshcheobrazovatel'noj shkoly [History of Tatarstan from ancient times to the middle of the 16th century. Textbook for the 6th grade of the general education school]. Kazan: Heter (in Russian).

Iskhakov D. (2002) Vzgljad na vsrossijskuyu perepis' iz Tatarstana [A look at the All-Russian census from Tatarstan], *Ab Imperio*, 4: 235 — 249 (in Russian).

Iskhakov D. *Problemy stanovleniya i transformacii tatarskoj nacii* [Problems of the formation and transformation of the Tatar nation]. Kazan: Master Lajn Press (in Russian).

Iskhakov D.M., Izmailov I.L., Gilyazov I.A., Gibatdinov M.M. (2009) *Istoriya tatarskogo naroda (s drevnejshih vremen do konca XVII veka)*. Uchebnoe posobie dlya 10 klassa obshcheobrazovatel'nyh shkol (profil'nyj uroven') [History of the Tatar people (from ancient times to the end of the XVII century). Textbook for the 10th grade of general education schools (profile level)]. Kazan: Magarif Press (in Russian).

Iskhakov S. (1999) *Istoriya narodov Povolzh'ya i Urala: problemy i perspektivy «nacionalizacii»* [History of the peoples of the Volga and the Urals: problems and perspectives of “nationalization”]. In: Eimermacher K., Bordyugov G. (eds.). *National histories in the Soviet and post-Soviet states*. Moscow: Fridrih Naumann Foundation, AIRO-XX (in Russian).

Ivanova V.V. (2012) Speloe yabloko. Idealy pantyurkizma i identifikacionnyj sinkretizm [Ripe apple. Ideals of pan-Turkism and identificational syncretism]. *Aziya i Afrika segodnya* [Asia and Africa today], 1: 65–71 (in Russian).

Kaplonski C. (2004) *Truth, history and politics in Mongolia: The memory of heroes*. London, New York: Routledge.

Kinossian N. (2012) Post-Socialist Transition and Remaking the City: Political Construction of Heritage in Tatarstan. *Europe-Asia Studies*, 64 (5): 879–901.

Kozlovsky V.V. (2009) *Civilizacionnye vyzovy sovremennosti* [Civilizational challenges of modernity], *Peterburgskaya sociologiya segodnya*. Sbornik nauchnyh trudov Sociologicheskogo instituta RAN [Petersburg sociology today. Collection of scientific works of the Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya: 55–67 (in Russian).

Landau J.M. (1988) The fortunes and misfortunes of Pan-Turkism. *Central Asian Survey*, 7 (1): 1–5.

Landau J.M. (1995) *Pan-Turkism: From Irredentism to Cooperation*. London: Hurst & Company.

Laruelle M. (2008) *Russian Eurasianism: An Ideology of Empire*. Baltimore: The Johns Hopkins University Press.

Makarova G.I. (2013) Rossijskaya i regional'naya identichnost' v Respublike Tatarstan v kontekste izmenenij etnokul'turnoj politiki [Russian and regional identity in the Republic of Tatarstan in the context of changes in ethno-cultural policy]. In: Musina R.N., Gabdrahmanova G.F., Makarova G.I., Sagitova L.V. (eds.) *Etnosociologiya v Tatarstane: opyt polevyh issledovanij. Sbornik statej k yubileyu L.M. Drobizhevoj*. [Ethnosociology in Tatarstan: the experience of field research. Collection of articles for the jubilee L.M. Drobizheva]. Kazan: Institut istorii im. SH.Mardzhani AN RT: 149–170 (in Russian).

Maslovsky M.V. (2012) Civilizacionnyj analiz v sovremennoj istoricheskoj sociologii i rossijskie politicheskie transformacii [Civilizational analysis in contemporary historical sociology and Russian political transformations], *Mir Rossii* [Universe of Russia], 21 (3): 119–132 (in Russian).

Meurs van W. (2003) Tatar Textbooks: The Next Matrioshka. *Ab Imperio*, 3: 407–421.

Miller A., Lipman M. (eds.) (2012) *Istoricheskaya politika v XXI veke* [Historical politics in the 21st century]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie (in Russian).

Mukhametdinov R.F. (1996) *Zarozhdenie i ehvolyuciya tyurkizma* [Origin and evolution of Turkism]. Kazan: Zaman Press (in Russian).

Mukhametdinov R.F. (2006) *Idejno-politicheskie techeniya v postsovetском Tatarstane (1991–2006 gg.) (Sopostavlenie s opytom Turcii)* [Ideological and political trends in post-Soviet Tatarstan (1991–2006). (Comparison with the experience of Turkey)] Kazan: Tamga Press (in Russian).

Mukharyamova LM, Andreeva A.R. (2013) Institucionalizaciya nacional'noj shkoly v postsovetsoj Rossii [Institutionalization of the National School in Post-Soviet Russia]. In: Musina R.N., Gabdrahmanova G.F., Makarova G.I., Sagitova L.V. (eds.) *Etnosociologiya v Tatarstane: opyt polevyh issledovanij. Sbornik statej k yubileyu L.M. Drobizhevoj*. [Ethnosociology in Tatarstan: the experience of field research. Collection of articles for the jubilee L.M. Drobizheva]. Kazan: Institut istorii im. Sh. Mardzhani AN RT: 87–115 (in Russian).

Nizamova L.R. (2001) Media-produkt i “nacional'naya” ideologiya: kejs-stadi Vsemirnogo kongressa tatar [Media product and “national” ideology: the case-study of the World Congress of Tatars], *Postsovetskaya kul'turnaya transformaciya: media i ehtnichnost' v Tatarstane* [Post-Soviet Cultural Transformation: Media and Ethnicity in Tatarstan]. Kazan: KGU Press: 166–233 (in Russian).

Nizamova L.R. (2013) Smeshannye ehtnicheskie identichnosti v mul'tikul'turnom obshchestve [Mixed ethnic identities in a multicultural society]. In: Musina R.N., Gabdrahmanova G.F., Makarova G.I., Sagitova L.V. (eds.) *Etnosociologiya v Tatarstane: opyt polevyh issledovanij. Sbornik statej k yubileyu L.M. Drobizhevoj*. [Ethnosociology in Tatarstan: the experience of field research. Collection of articles for the jubilee L.M. Drobizheva]. Kazan: Institut istorii im. Sh. Mardzhani AN RT: 171–183 (in Russian).

Ovchinnikov A.V. (2015) Krov' i plot' voobrazhaemykh soobshchestv: biologizatsiya ehtnichnosti v diskursah nacional'nykh istorij (po materialam postsovetskogo Tatarstana) [The blood and flesh of imaginary communities: the biology of ethnicity in the discourses of national histories (based on the materials of post-Soviet Tatarstan)]. *Konfliktogennyj potencial nacional'nykh istorij* [Conflictogenic potential of national histories]. Kazan: Universum: 177–198 (in Russian).

Ovchinnikov A.V. (2010) Novyj podhod k izucheniyu fenomena sovremennoj «nacional'noj istoriografii» (na primere «istorii tatarskogo naroda») [A new approach to the study of the phenomenon of modern “national historiography” (on the example of “the history of the Tatar people”)], *Vestnik Udmurtskogo universiteta* [Bulletin of the Udmurt University], 1: 79–85 (in Russian).

Ponarin E.D., Zhirkov K.A. (2013) Nacionalizm ehtnicheskij i politicheskij: institucional'nye faktory tatarskogo nacionalizma v respublikah Volzhsko-Ural'skogo regiona [Ethnic and political nationalism: institutional factors of Tatar nationalism in the republics of the Volga-Ural region], *Mir Rossii* [Universe of Russia], 22(3): 152–177 (in Russian).

Prozorova Yu.A. (2012). Politicheskij diskurs o civilizacionnoj identichnosti v Rossii: perestrojka i postsovetskij period [Political discourse on civilizational identity in Russia: perestrojka and the post-Soviet period]. *Zhurnal sociologii i social'noj antropologii* [Journal of Sociology and Social Anthropology], vol. 15, no. 6 (65): 131–146 (in Russian).

Prozorova Yu.A. (2013) Integrativnaya perspektiva v civilizacionnom analize [Integrative perspective in civilizational analysis], *Peterburgskaya sociologiya segodnya'2012*. Sbornik nauchnykh trudov Sociologicheskogo instituta RAN [Petersburg sociology today'2012. Collection of scientific works of the Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 4: 31–56 (in Russian).

Prozorova Yu.A. (2014) «Diskursivnyj povорот» i konstruktivistskij podhod k civilizacionnoj identichnosti [“Discursive Turn” and Constructivist Approach to Civilizational Identity]. In: Braslavsky R.G., Malinov A.V. (eds.) *Mnogolikaya sovremennost'*. Sbornik k 60-letiyu doktora filosofskih nauk, professora Vladimira Vyacheslavovicha Kozlovskogo [Many-faced modernity: Collection for the 60th anniversary of Doctors of Philosophy, Professor V.V. Kozlovsky]. St. Petersburg: Intersocis: 222–256 (in Russian).

Repina L.P. (2003) *Kul'turnaya pamyat' i problemy istoriopisaniya (istoriograficheskie zametki)* [Cultural memory and the problems of historiography (historiographical notes)]. Moscow: GU VSHE (in Russian).

Rorlich Azode-Ayse (1999) History, Collective Memory and Identity: the Tatars of Sovereign Tatarstan. *Communist and Post-Communist Studies*, 32 (4): 379–396.

Sabirova D.K., Sharapov Ya.Sh. (2009) *Istoriya Tatarstana s drevnejshih vremen do nashih dnei*. Uchebnik dlya studentov vysshih uchebnykh zavedenij [History of Tatarstan from ancient times to our days. Textbook for students of higher educational institutions]. Moscow: Knorus (in Russian).

Sagitova L.V. (1998) *Etnichnost' v sovremennom Tatarstane* [Ethnicity in modern Tatarstan]. Kazan: Tatpoligraf (in Russian).

Schamiloglu U. (2001) We Are Not Tatars! The Invention Bulgar Identity. In: Károly L., Nagy Kincsés É. (eds.) *Néptörténet — Nyelvtörténet. A 70 éves Róna-Tas András köszöntése*. Szeged: 137–153.

Shnirelman V. (1998) Ot konfessional'nogo k ehnicheskomu: bulgarskaya ideya v nacional'nom samosoznanii kazanskih tatar v XX veke [From confessional to ethnic: the Bulgarian idea in the national self-consciousness of the Kazan Tatars in the 20th century], *Vestnik Evrazii* [Acta Eurasica], 1–2: 131–152 (in Russian).

Shnirelman V.A. (2003) *Vojny pamyati. Mify, identichnost' i politika v Zakavkaz'e* [The war of memory. Myths, identity and politics in Transcaucasia]. Moscow: Akademkniga (in Russian).

Shnirelman V. (1996) *Who gets the past? Competition for ancestors among non-Russian intellectuals in Russia*. Washington D. C., Baltimore, London: Woodrow Wilson Center Press and Johns Hopkins University Press.

Shnirelman V. (2002) Identichnost' i obrazy predkov: tatory pered vyborom [Identity and images of ancestors: Tatars before the choice], *Vestnik Evrazii* [Acta Eurasica], 4: 128–147 (in Russian).

Shnirelman V.A. (2002) Civilizacionnyj podhod, uchebniki istorii i «novyj rasizm» [Civilization approach, history books and “new racism”], *Rasizm v yazyke social'nyh nauk* [Racism in the language of social sciences]. St. Petersburg: Aletejya: 131–152 (in Russian).

Shnirelman V.A. (2016) “Obshchee proshloe”: federalnye i tatarstanskije shkolnye uchebniki istorii [“Common past”: the Federal and Tatarstan history school textbooks], *Historical expertise*, 4: 111–132 (in Russian).

Sibgatullina A. (2010) *Kontakty tyurok-musul'man Rossijskoj i Osmanskoj imperij na rubezhe XIX–XX vv.* [Contact Turkic Muslims of the Russian and Ottoman Empires at the turn of the XIX — XX centuries]. Moscow: Fond issledovanij islamskoj kul'tury (in Russian).

Sokolovsky S. (2002) «Tatarskaya problema» vo vserossijskoj perepisi naseleniya [“The Tatar Problem” in the All-Russian Population Census], *Ab Imperio*, 4: 207–234 (in Russian).

Sokolovsky S.V. (2004) Kryasheny vo Vserossijskoj perepisi naseleniya 2002 goda [Kryashens in the All-Russia Population Census of 2002]. Moscow: IEA RAN (in Russian).

Stolyarova G.R. (2013) Mezhehtnicheskie otnosheniya v Kazani: tradicii vzaimodejstviya i tendencii razvitiya [Interethnic relations in Kazan: traditions of interaction and development tendencies]. In: Musina R.N., Gabdrahmanova G.F., Makarova G.I., Sagitova L.V. (eds.) *Etnosociologiya v Tatarstane: opyt polevyh issledovanij. Sbornik statej k yubileyu L.M. Drobizhevoj*. [Ethnosociology in Tatarstan: the experience of field research. Collection of articles for the jubilee L.M. Drobizheva]. Kazan: Institut istorii im. SH. Mardzhani AN RT: 194–206 (in Russian).

Suleimanov R. (2011) Tyurkomaniya v istoricheskoy nauke postsovetского Tatarstana [Turkomania in the historical science of post-Soviet Tatarstan]. *Suvary.RF* [<http://сувары.рф/ru/content/tyurkomaniya-v-istoricheskoy-nauke-postsovetского-tatarstana>] (accessed: 07.03.2018) (in Russian).

Usmanova D. (2003) Sozdavaya nacional'nuyu istoriyu tatar: istoriograficheskie i intellektual'nye debaty na rubezhe vekov [Creating the national history of the Tatars: historiographical and intellectual debates at the turn of the century]. *Ab Imperio*, 3: 337–360 (in Russian).

Uyama T. (2003) Ot «bulgarizma» cherez «marrizm» k nacionalisticheskim mifam: diskursy o tatarskom, chuvashskom i bashkirskom ehtnogeneze [From “Bulgarism” through “marrism” to nationalistic myths: discourses about the Tatar, Chuvash and Bashkir ethnogenesis]. Macuzato K. (ed.) *Novaya volna v izuchenii ehtnopoliticheskoj istorii Volgo-Ural'skogo regiona* [A new wave in the study of the ethno-political history of the Volga-Ural region]. Sapporo: Center for Slavic Studies: 16–51 (in Russian).

Wallerstein I. (1978) Civilizations and modes of production: Conflicts and convergences. *Theory and Society*, 5 (1): 1–10.

Yémelianova G.M. (1997) The national identity of the Volga Tatars at the turn of the 19th century: Tatarism, Turkism and Islam. *Central Asian Survey*, 16 (4): 543–572.

Zyrev A. (2002) ‘The Patience of a Nation is Measured in Centuries.’ National Revival in Tatarstan and Historiography. In: Coppieters B., Huysseune M. (eds.) *Secession, History and the Social Sciences*. VUB Brussels University Press.

Zwicklinski S. (2003) Tatarizm vs. Bulgarizm: “pervyj spor” v tatarskoj istoriografii [Tatarism vs. Bulgarism: “the first dispute” in Tatar historiography], *Ab Imperio*, 3: 361–390 (in Russian).